

ДВЕ ИЛЛЮЗИИ ЛЮБВИ

TWO ILLUSIONS OF LOVE

Е. В. Золотухина-Аболина*

ORCID: 0000-0002-5954-2758

С. С. Партолина***Elena V. Zolotukhina-Abolina*****Svetlana S. Partolina***

* *Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia*

Целью статьи является рассмотрение двух иллюзий, которые нередко возникают в коммуникации, когда речь заходит о любви. Авторы исходят из того, что любовь — важнейшая ценность, и крайне нежелательно путать с любовью совершенно другие виды отношений, которые приносят человеку при недолговременной радости последующее горькое разочарование.

Objective of the study is to examine two illusions that often arise in communication when it comes to love. The authors proceed from the fact that love is the most important value, and it is highly undesirable to confuse with love completely different types of relationships that bring a person with short-term joy and subsequent bitter disappointment.

В методологическом отношении авторы опираются на разработки гуманистической философии и психологии XX века, в частности, Э. Фромма и А. Маслоу. Не столь явным методологическим источником, тем не менее присутствующим в работе, является Г. В. Ф. Гегель с его идеей о «соответствии предмета его идее». В данном случае «идея любви», ее идеал сформулирован Э. Фроммом, этот идеал, с которым сравниваются реальные отношения, представляет собой любовь, понятую не только как чувство, но как деятельное отношение с учетом субъективности и автономии любимого. То, что называется в статье «иллюзорными представлениями о любви», как раз резко контрастирует с любовью как заботой и благом любимого и принятием его как реального самостоятельного субъекта.

Methodological basis of the study the authors rely on the developments of humanistic philosophy and psychology of the twentieth century, in particular, E. Fromm and A. Maslow. A less obvious methodological source, however, present in the work, is G. V. F. Hegel with his idea of “the conformity of an object with its idea”. In this case, the “idea of love”, its ideal formulated by E. Fromm, this ideal, with which real relationships are compared, is love, understood not only as a feeling, but as an active relationship, taking into account the subjectivity and autonomy of the beloved. What is called in the article “illusory representations of love” is in sharp contrast to love as caring for and benefiting a loved one and accepting him as a real independent subject.

Результаты исследования. В статье рассмотрена, во-первых, иллюзия «меня любят», которая, как показывают авторы, ссылаясь на мнения философов XX век (Ж.-П. Сартра, Ж. Лакана), связана со стремлением во что бы то ни стало ликвидировать внутреннюю бытийную и душевную недостаточность, изначально присущую человеку. Авторы статьи не разделяют полностью эту позицию об «исходной ущербности» индивида, но признают, что жадное желание «опереться на другого» ради чувства собственной целостности провоцирует людей на создание иллюзий о том, что «их любят», когда о любви нет и речи. Во-вторых, рассмотрена иллюзия «я люблю», когда с любовью путают собственную неудержимую страсть или любовное выдуманное изображение, далеким от реального человека.

Перспективой исследования выступает обращение ко многим другим иллюзиям любви, некоторые из которых названы в конце статьи.

Ключевые слова: любовь, Другой, романтическая любовь, иллюзии, коммуникация, страсть, влюбленность, заблуждения

Results of the study. The article examines, firstly, the illusion of “I am loved”, which, as the authors show, referring to the opinions of twentieth-century philosophers (J.-P. Sartre, J. Lacan), is associated with the desire to eliminate at all costs the inner existential and spiritual deficiency inherent in man. The authors of the article do not fully share this position about the “initial inferiority” of an individual, but recognize that the greedy desire to “lean on another” for the sake of a sense of their own integrity provokes people to create illusions that “they are loved” when there is no question of love. Secondly, the “I love” illusion is considered, when one confuses one’s own uncontrollable passion or admiring a fictional image far from a real person with love.

Prospect of the study is to address many other illusions of love, some of which are named at the end of the article.

Keywords: love, Other, romantic love, illusions, communication, passion, falling in love, delusions

Введение

Эта статья посвящена вечной теме — теме любви и тем иллюзиям, которые неизбежно ее сопровождают. Любовь — огромная коммуникативная ценность, религии говорят, что она исходит непосредственно от Бога, люди неверующие считают ее венцом всего подлинно человеческого. Любовь всегда связана с надеждами на счастье, на взаимность благих устремлений, на собственную единственность и неповторимость для Другого. И никакие успехи современной науки и техники, никакие искусственные интеллекты и нейросети не меняют этой универсальной человеческой надежды на «блаженство любви». В то же время любовь несет в себе огромный риск иллюзорности, опасность блуждания в собственных фантазиях, поэтому философам так важно обращаться к анализу этих иллюзий, чтобы понять, в чем их зло и есть ли в них благо. Обратимся в предлагаемом тексте к двум распространенным иллюзиям любви, хотя на самом деле их можно найти гораздо больше.

В минувшем XX веке феномен «иллюзий в любви» становится предметом междисциплинарного анализа, что отражается и в зарубежных, и в отечественных работах. Так, исследователи обращаются к вопросам невзаимных и гиперболизированных чувств, к зависимым и созависимым связям, к нарциссическим и альтруистическим проявлениям человека и к влиянию массовой культуры на романтические отношения. В рассмотрение таких проблем внесли вклад многие крупные мыслители, такие как Эрих Фромм, Абрахам Маслоу, Жан-Поль Сартр, Жак Лакан, Хосе Ортега-и-Гассет и другие. Саму любовь при интуитивном единстве понимания они, тем не менее, определяют несколько по-разному, поэтому для нашего рассмотрения мы последуем за известным автором Эрихом Фроммом, утверждающим, что *подлинная любовь* — это не только эмоциональное состояние, но и *деятельная способность*. Любовь не сводится к чувству, она также *искусство*, которое требует зрелости и труда человека. Любовь рассматривается в данном случае как *идея* в гегелевском смысле и как *идеал*, с которым можно сопоставлять все то, что «любовью не является». Любовь у Фромма — это утверждение бытия другого человека, это нежность и привязанность, это готовность трудиться для любимого и его блага. В истинной любви любимого воспринимают как единственного и неповторимого, и если такая любовь существует, то проявляет себя как *устойчивая и долгосрочная*, способная к *преодолению трудностей и препятствий*. В нашей статье мы будем говорить конкретно о *романтической любви между мужчиной и женщиной* и об иллюзиях, возникающих в ней. Кстати, Эрих Фромм, говоря именно об эротической любви, пишет, что она «возможно, самый обманчивый вид любви» (Фромм, 2004. С. 113).

Но что такое иллюзии? Большой толковый словарь русского языка гласит: «ИЛЛЮЗИЯ, —и; ж. [франц. illusion — обманчивое представление, заблуждение]. 1. Искаженное восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное... // Видимость, подобие. Нечто несбыточное, мечта»¹. В нашем контексте это — частично или полностью *искаженное восприятие в любовных отношениях*, это ситуация, когда видят то, чего нет, а порой — не замечают очевидного. Подобные искажения могут проявляться в идеализации партнера, романтизации его образа, игнорировании противоречий, зависимости, обманчивом ощущении чувства любви и во многих других проявлениях. В большинстве своем иллюзорные представления о любви оказывают негативное воздействие на человека и его чувства, поэтому необходимо избавляться от них. Хотя иногда, как ни странно, они способны украсить жизнь, правда, скорее всего — на ограниченный срок. Рассмотрим коротко две типичные иллюзии, характерные для

¹ Большой толковый словарь русского языка — URL:<https://gramota.ru/poisk?query=%D0%98%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D0%B7%D0%B8%D1%8F&mode=slovari> (дата обращения: 20.01.2026).

любовных отношений, где в первом случае «Я» полагаю, что «Другой меня любит», а во втором — что это я люблю Другого.

Иллюзия «меня любят»

Одной из популярных иллюзий любви является убежденность человека в наличии любви со стороны Другого при ее *фактическом отсутствии*, это ситуация, когда *желаемое принимают за действительное*. И такое искажение рассматривалось рядом мыслителей не только в контексте самообмана, но и при рассмотрении темы *глубинной потребности* человека в признании и любви. В чем укоренена безосновательная убежденность, что «меня любят»?

Уже в античности, в платоновском «Пире», в речи Аристофана выражена мысль, что человек сам по себе «не полон», он стремится восполнить утрату своей сущности, найти «вторую половинку» и обрести целостность. И эта тема «восполнения» проходит через века, побуждая человека напряженно искать того, кто даст ему полноту бытия. Применительно к современности здесь стоит упомянуть Ж.-П. Сартра, французского философа-экзистенциалиста, который писал о том, что любовь — это попытка получить полноту бытия, по сути, за счет Другого. Нам может быть дано блаженство собственного совершенства лишь посредством преклонения и восторга Другого, когда не я оказываюсь на фоне мира, а мир имеет смысл *лишь в свете моего Я*. Когда меня любят, все имеет значение лишь в связи со мной. Однако, с точки зрения Сартра, дело упирается в то, что Другой желает того же самого от меня, я должен дать любимому такое же бытийное величие. Но, по Сартру, невозможно одновременно быть «равным миру» в глазах Другого и быть субъективностью, способной сообщить любимому аналогичную полноту.

В «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр пишет, что «Каждый хочет, чтобы другой его любил, не отдавая себе отчета, что любить — значит хотеть быть любимым...» (Сартр, 2000. С. 391), и далее: «Я требую, чтобы другой любил меня, и делаю все возможное для реализации своего проекта; но если другой меня любит, он в принципе обманывает меня своей любовью; я требовал от него, чтобы он основал мое бытие в качестве привилегированного объекта, утверждаясь как чистая субъективность передо мной; и в то время, как он меня любит, он испытывает меня в качестве субъекта и погружается в свою объективность перед моей субъективностью» (Сартр, 2000. С. 391), — таким образом, любовь не может состояться. Каждый хочет получить восполнение извне, а не получив, способен перешагнуть через партнера как через обычный объект. Можно сказать, что Сартр фиксирует жажду любви как восполнения, но, исходя из своей концепции, не дает ей шансов сбыться: он отрицает возможность взаимности. Человеку остается утешаться фантазиями и иллюзиями, которые, впрочем, Ж.-П. Сартр тоже не приветствует.

О любви много говорит в своих работах философ и психолог А. Маслоу. Он отмечает, что «если физиологические потребности и потребности в безопасности удовлетворены в достаточной мере, появляются потребности в любви, привязанности и принадлежности... Потребности в любви предполагают как потребность давать, так и потребность получать любовь» (Маслоу, 2013).

Маслоу, как и Э. Фромм, утверждает возможность щедрой, «бытийной» любви, не требующий, чтобы другой заполнял в любящем его душевные пустоты. Однако это предполагает наличие *субъектной целостности, внутренней силы и высокой степени самодостаточности*, а она есть не у всех. Не будучи таким принципиальным пессимистом, как Ж.-П. Сартр, основатель гуманистической психологии все же реалистически отмечает, что потребность в любви часто остается в современном обществе неудовлетворенной, и это порождает у человека необходимость *закрыть проблему любым способом*. Иллюзорное закрытие проблемы определенное время дает ощущение благополучия.

В современном мире, с его неопределенностью и нестабильностью, людям, имеющим, если воспользоваться терминами Маслоу, «личностную дефицитарность», порой достаточно почувствовать минимальную защиту, внимание и заботу от другого человека, как они начинают думать, что их любят. *Все начинает интерпретироваться как свидетельство любви*. И данная ситуация опять связана с тем, что потребность человека в признании, поддержке и любви сильна и требует немедленного удовлетворения. Как отмечают современные психологи, за любовь может быть принята *дружба¹, страсть, жалость, экспрессивность, влюбленность, а также вежливость, благожелательность, проявление чувства долга и даже собственническое поведение*. То есть, весь комплекс позитивных поведенческих проявлений или просто повышенное внимание, пусть даже скорее интригующе, чем радующее, может быть принято за любовь. Человек так жаждет «достройки до целостности», так хочет чувствовать свою востребованность, что в полном смысле слова делает из мухи слона, из любезного приветствия выводит заключение, что он любим и высоко значим.

За любовь во многих случаях принимают также чужое страстное влечение, навязчивое ухаживание, настойчивое приставание, агрессивное, ревнивое поведение, неотступное преследование. Это отсюда: «бьет — значит любит». Человеческая фантазия способна даже грубость принять за любовь, если эта грубость повторяется, то может быть истолкована как «особый интерес», «скрытая влюбленность», знак особого расположения, признак того, что «я этого человека волную». Но только в малом возрасте «дергание девочек

¹ *Пуришева Э. С.* Любовь или иллюзия? Основные заблуждения в любви — URL: <https://www.b17.ru/article/496842/> (дата обращения: 20.01.2026).

за косички» может быть понято как позитивное проявление. Для взрослых людей приняты иные формы проявления благорасположения. И при первом знакомстве, где чувства еще не вполне ясны, и в браке — агрессивная страстность и жажда полного обладания не являются любовью, потому что не видят в партнере по отношениям личность, которую при истинной любви хочется поддерживать и радовать.

В юном возрасте, возрасте первого самоутверждения, девушкам часто кажется, что все в них влюблены и что каждый влюбленный — носитель «большого чувства». Иногда этот инфантильный подход сопровождает женщину всю жизнь. Он хорошо работает, с одной стороны, у самоуверенных и самовлюбленных людей нарциссического склада, которые ощущают себя центром вселенной и не намерены отказываться от убежденности, что являются центром жизни для многих, а с другой — у оптимистов, которые предпочитают видеть в других их лучшие стороны и намерены видеть любовь и «достраивать себя ею», даже если к ним проявляют простое добродушие. Но, поскольку самообман — это самообман, то чуть раньше или чуть позже флер, затмевающий реальное положение дел, спадает с глаз.

Иллюзией «меня любят», жаждой любви часто пользуются соблазнительники или корыстные люди, преследующие свои цели. Порой один из участников отношений идет на прямой обман и разыгрывание влюбленности для достижения своих корыстных целей (из классических примеров: «жениться на богатой» или «выйти замуж за богатого»). Иногда, намеренно «влюбляя в себя» и оказывая Другому знаки внимания (намеренно создавая иллюзию), преследуют в чистом виде цели самоутверждения, чтобы потом со смехом бросить того, кто попался на уловку — впал в уверенность «меня любят». Но даже ситуация, где нет коварства, а есть безразличие или прагматизм, сменившие то, что «казалось любовью», оказывается разрушительной для того, кто был заморочен уверенностью «меня любят». Погасшая страсть, охлаждение «любящего», его невнимание или разрыв с ним воспринимаются «грезящем о любви» как трагедия именно потому, что была сладкая сказка, не позволившая увидеть реальность. Потеря иллюзии «любви ко мне» приводит к разочарованиям, которые трудно пережить, и в литературе мы видим это не только в драме «бедной Лизы» Карамзина, но и в страданиях мадам Грицацуевой, которая гонится за убежавшим Остапом Бендером.

Конечно, пока иллюзия «меня любят» существует, она выполняет *компенсаторную функцию*, позволяет человеку чувствовать себя «принятым миром», обладающим полнотой бытия. С этой иллюзией можно порой прожить довольно долго, радуясь аргументам собственной фантазии. Но в том-то и дело, что этот вымышленный образ разрушим. Хотя, конечно, бывает, что «любовь ко мне» — вполне реальна, но тогда ее реальность будет проверена временем.

Иллюзия «я люблю»

Иллюзорному и необоснованному «меня любят» противостоит иллюзия «я люблю». Такое утверждение может показаться странным, потому что, если чужое чувство нам недоступно, то уж свое-то я знаю точно! Почему же оно — иллюзия? Но психология и философия опровергают нашу обыденную уверенность в том, что мы хорошо знаем и понимаем себя. Люди далеко не всегда рефлексируют собственные стремления, часто пользуются расхожими штампами в представлении о любви, далеком от подлинно хорошего отношения.

Первый вариант заблуждений на тему «я люблю» — это принятие за любовь теперь уже *собственной, а не чужой страсти*, которая — лишь одна из составных любовного переживания, но далеко не вся любовь. Так, Артур Шопенгауэр, сужая смысл любви, считает, что половая любовь — это в принципе иллюзия. Он отмечает, что все испытываемое человеком к другому — это обман природы, и все люди действительно живут в самообмане. Мы как будто любим Другого, но выбор за нас делает природа, потому что мы просто тянемся к человеку, который нам биологически подходит. Любовь, по Шопенгауэру, — это хитрость мировой воли, чтобы эгоистичные люди продолжали человеческий род. Он пишет: «...природа может достигнуть своей цели только тем, что внушает индивидууму известную *иллюзию* (курсив Шопенгауэра), в силу которой ему кажется его личным благом то, что на самом деле составляет благо только для рода, и таким образом индивидуум служит последнему, воображая, что служит самому себе... *Эта иллюзия — инстинкт* (курсив Шопенгауэра)» (Шопенгауэр, 1992. С. 379–380). Очевидно, что любовь, понятая как родовой инстинкт или как «Эрос» З. Фрейда (Фрейд, 1992. С. 65–134), истолкованная как лишь «иллюзия личного отношения», вообще не предполагает интереса к душе и чувствам того, на кого направлена страсть. И если не соглашаться с Шопенгауэром и Фрейдом, что «любовь — это только инстинкт», а видеть любовь шире — как сложное межличностное отношение, то термин «иллюзия» приобретает иной смысл: иллюзией является как раз то, что властное, могучее, поистине демоническое¹ влечение может быть отождествлено с любовью. Оно во всех отношениях не дотягивает до любви в полном смысле слова.

Многие великие произведения литературы и искусства выдают «демонические страсти» за подлинное любовное чувство, что хорошо показано В. Шекспиром, где ревнивая страсть Отелло, чрезмерно экспрессивно выраженная в подозрительности, приводит Дездемону к могиле. Страсть — чувство безудержное, потому она легко становится разрушительной, о чем в классическом наследии также свидетельствует явленная нам в музыке трагическая

¹ О демонизме страстей пишет Р. Мей в своей книге (Мей, 1997). — URL: https://yanko.lib.ru/books/psycho/may_rollo-love_and_will-8l.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

судьба Кармен. История литературы и драматургии многократно свидетельствует, что страсть — не любовь, она нередко эгоцентрична и безжалостна к тому, кого она именуется «любимым»: у Достоевского в «Идиоте» Рогожин пылает страстью к Настасье Филипповне, и это не мешает, а способствует тому, чтобы он зарезал ее. Крик «Так не доставайся же ты никому!» — это об оскорбленной страсти такого персонажа А. Н. Островского, как Карандышев, стреляющий в Ларису Огудалову. Но это — не о любви, которая бережет и хранит любимого, даже в обиде желает ему того блага, какого любимым сам себе желает. А ведь каждый из героев — убийца своих возлюбленных искренне считал, что он «любит». Но то была иллюзия, иллюзия страстных натур и агрессивных собственников.

Страстная привязанность, как правило ослепленная собственным желанием, прежде всего желанием взаимности и обладания душой и телом Другого, вообще не видит любимого таким, каков он есть. Фраза «любовь слепа» подразумевает, что человек, испытывая любовь, закрывает глаза на многие вещи. Так, например, он склонен игнорировать реальные черты и особенности Другого (особенно если они не вписываются в сфантазированный образ). Чувства часто ослепляют того, кто охвачен страстью, они выходят на передний план, делают любящего рабом собственного маниакального желания, одновременно лишая индивида моральности и справедливости. Когда по радио звучит хит со словами «Я не отдам тебя никому, прощу любую твою вину», то это тоже не про любовь, а про в некотором роде «осатаненность», так как здесь Другой, во-первых, воспринимается как предмет, который можно «отдать» или «не отдать», а во-вторых, допускается, что он может быть любым чудовищем, весьма далеким от позитивных человеческих отношений.

Другой вариант иллюзии «я люблю» связан не со страстью, а с *мечтательной фантазией*, с воображением, которое, в особенности на расстоянии, способно создавать приукрашенный образ, в который и влюбляется человек. Яркий анализ иллюзии любви к Другому, прежде всего на фазе влюбленности, был представлен Х. Ортегой-и-Гассетом в его «Этюдах о любви». Он обращается к «теории кристаллизации» Стендаля. Стендаль пишет, что, если сухую черную ветку положить на неделю в соляную копь, то она обрстет сияющими кристаллами соли. Так и во влюбленности наш взгляд наделяет банального человека всеми совершенствами, которые теперь сияют для нас. Однако блистающую ветку можно отряхнуть, и станет ясно, что сама она ничего собой не представляет — наступает избавление от иллюзии, разочарование. Х. Ортега-и-Гассет именуется это «придуманная любовь». Она заключается в идеализации Другого и возникает тогда, когда мы еще не узнали человека ближе. «При этом, — пишет Ортега, — любят саму любовь. А тот, кого любят, в сущности, всего лишь предлог» (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 362).

Итак, при влюбленности «издалека» человек нередко склонен наделять Другого положительными характеристиками и игнорировать негативные, что достаточно сильно влияет на его восприятие. Это трансформирует образ «предмета любви», он начинает восприниматься как идеальная фигура, которая соответствует чаяниям любящего, его желаниям и потребностям, но не объективной реальности. Такая иллюзия довольно типична для первого этапа отношений. Создается ситуация, в которой человек влюблен в *вымышленный образ*, а не в Другого, что может привести как к усилению чувства, так и к последующему унынию, кризису отношений и, возможно, внутреннему конфликту. *Сближение ведет к прояснению*: к подлинной любви либо отказу от обманного представления.

Хосе Ортега-и-Гассет критикует «теорию кристаллизации», он не раз подчеркивает, что заблуждениям и фантазиям не место в любви. Он также добавляет, что даже если мы и влюбляемся в некоторые вымышленные достоинства Другого, то они в любом случае должны иметь связь с реальными достоинствами, иначе они бы вовсе не существовали. И Х. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что не надо обманывать себя и любить плоды своего воображения, потому что это и не любовь вовсе.

О влюбленности как состоянии, полном иллюзий, также размышлял и Эрих Фромм. Он высказывал мысль, что при влюбленности мы наделяем другого человека множеством дополнительных и крайне положительных характеристик, таким образом, мы любим человека, украшенного ими, не относясь к нему объективно. Но как мы уже говорили, Эрих Фромм различал чувство влюбленности и уже зрелой любви, которая требует своих компонентов, одним из которых является знание Другого. Он пишет: «Мне нужно знать другого и себя объективно, чтобы понять, каков он на самом деле, или, вернее, избавиться от иллюзий и изменить то искаженное представление, которое я о нем имею. И только создав для себя это объективное представление, я смогу познать самую сокровенную сущность человека в любви» (Фромм, 2004. С. 126).

Известный психолог Карен Хорни также не обходит стороной эту сторону самообмана человека, хотя она подчеркивает в данном случае не столько романтичность нашей фантазии («как божественно прекрасен любимый!»), сколько ее эгоцентрическую прагматическую сторону. Так, она пишет в своей работе «Невротическая личность нашего времени», что «человек может обманывать себя, полагая, будто любит другого, тогда как в действительности ему нужно от этого другого лишь слепое восхищение» (Хорни, 2016. С. 70). То есть мы находим еще одно подтверждение мысли, что под видом любви может скрываться потребность индивида в признании его ценности и значимости, и любовь тогда направлена лишь на удовлетворение собственных потребностей, а не на участие в жизни Другого. Человеку кажется, что он

любит Другого, а он любит лишь любовь Другого «ко мне прекрасному», любит, когда им восторгаются и его опекают, и не более. Это эксплуатация чужого влечения, и, скорее всего, оба участника отношений скоро обнаружат, что обоюдной любви нет: с одной стороны есть стремление во всех отношениях «достроить себя за счет Другого», а с другой — неразделенное чувство, которое никогда не принесет душевного удовлетворения.

Еще один вариант иллюзорного «я люблю» мы можем увидеть в культуре романтических отношений, когда «подлинной любовью» считается любовь на расстоянии. Это уже не «фантастический импульс первой влюбленности», который потом сам собой развеивается, а вполне сознательное установление дистанции между субъектом, полагающим, что любит, и предметом его любовного стремления. Этот феномен, в частности, был описан на семинарах и в текстах основателя структурного психоанализа Жака Лакана и отражен в популярных работах словенской последовательницы Лакана Ренаты Салецл (Салецл, 1999). Согласно Лакану, в человеке всегда содержится «нехватка», и она же присутствует в том, в кого он влюбляется, поэтому люди не могут достроить друг друга до целостности в силу собственной онтологической ущербности. Но, с другой стороны, в том, в кого я влюбляюсь, всегда есть «агальма», некое чарующее, притягивающее начало, которым сам любимый не владеет. Пока люди остаются на дистанции, агальма сияет и будит желание, берedit фантазию, благодаря чему все наполняется смыслом. Но если любимый приблизится, то обнаружится его «нехватка», то, что он не волшебный дар, вечно интересный и загадочный, а самый обычный человек, банальный, плоский, мелкий, не способный «достроить меня до бытийной полноты» и сам требующий моего участия. Поэтому любить лучше без сближения и интимных встреч; по-существу, я соглашаюсь любить исключительно свое воображение, «образ другого», а не живого человека. Если Сартр просто говорит о быстрой разрушимости любви, то Рената Салецл на примерах из литературы и кино показывает, что разрушать не обязательно: можно считать, что «я люблю», когда я только пишу письма или только вспоминаю, то есть намеренно продлеваю свою «фантастическую любовь», опасаясь столкнуться с неприглядной реальностью — с Другим, таким, как он есть на самом деле. Философам-постмодернистам вообще присуща идея, что реальную любовь может успешно заменять любовная речь.

Таковы некоторые из проявлений иллюзорного «я люблю».

Вместо заключения

Мы сделали краткий обзор двух проявлений иллюзий в любви: когда основательно заключают о «любви ко мне» и когда я путаю свои страстные влечения или романтические фантазии с любовью к Другому. На самом деле об иллюзиях в любви можно сказать гораздо больше, потому что литература,

искусство, массовая культура активно работают на производство этих иллюзий, в рыночном обществе иллюзии хорошо продаются и приносят немалую прибыль. Иллюзии, как мы уже отметили, порождаются, с одной стороны, внутренней ущербностью человека, жаждущего во что бы то ни стало почувствовать себя любимым — целостным, неповторимым, прекрасным, а с другой — стремлением угодить лишь собственным желаниям и фантазиям, не утруждая себя соотношением с реальной другой личностью, обладающей собственными характеристиками, желаниями и чаяниями. Всякий раз погрязание в иллюзиях — это наиболее легкий, но не лучший путь коммуникации, попытка уклониться от «труда души» — труда, способного увидеть Другого как самостоятельную фигуру, не ту, что просто балует мое самолюбие или служит удовлетворению моих нужд, но является равным партнером в отношениях. И для реальной, а не придуманной любви очень важны собственное душевное богатство и внутренняя сила, то, что Э. Фромм называл «продуктивностью». А поскольку нередко ее не хватает, то и рождаются самые разные отклонения, где любовь, если пользоваться образом Г. В. Ф. Гегеля, «не соответствует своему понятию». Так в долгих личных и семейных отношениях, вполне благополучных, можно, ориентируясь на идеал «мыльных опер», заморочить себя тем, что «любовь не состоялась». А при скверных, но вынужденных отношениях, «симбиозах» — утверждать, что «все прекрасно». Можно впасть в иллюзию «я никого никогда не полюблю», так как достойных нет, а можно изводить себя негативной выдумкой «никто не может полюбить меня».

Фантазия человека многообразна, и, накладываясь на реальные ситуации жизненных испытаний, она может порождать множество ложных убеждений и представлений. И тем не менее мы не можем согласиться с утверждением Ж.-П. Сартра и Ж. Лакана об исходной «ущербности» человека. В детстве человек — это огромный потенциал возможностей, а взрослея, он для полноты своего бытия нуждается не в «единственном Другом», который достроит его до «целостности мироздания», а в широком круге отношений с разными людьми. Если при этом он встретит того, с кем сложатся отношения истинной любви, то это даст перспективу взаимного счастья и крепкой, надежной семьи.

Мы хотели бы завершить наш небольшой анализ на позитивной ноте. Любовь как реальное, деятельное, доброе взаимоотношение, конечно, существует, как существует и немало людей, внутренне цельных и крепких, щедрых во всех смыслах слова. А анализ иллюзий необходим, чтобы не дать затянуть себя в паутину избыточной фантазии или в болото бесконтрольных страстей. Умеренная рефлексия о собственных чувствах и желаниях ведет к внутренней гармонии и к установлению действительно позитивных человеческих связей.

Список источников

- Maslow A.* Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2013. — 352 с. — ISBN 978-5-459-00494-7.
- Ортега-и-Гассет Х.* Этюды о любви. / Эстетика. Философия культуры. Перевод Е. В. Багно. — М.: Искусство, 1991. — 588 с. — ISBN: 5-210-02441-1.
- Салецл Р.* (Из)вращения любви и ненависти. Пер. В. Мазина. — М.: Художественный журнал, 1999. — 205 с. — ISBN 5-901116-03-8.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр; [пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко]. — М.: Республика, 2000. — 639 с. — ISBN 5-250-02729-6.
- Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. / Перевод А. М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1992. — 289 с. — ISBN 5-8396-0095-4.
- Фромм Э.* Искусство любить — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 219 с. — ISBN 5-352-00758-8.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени: новые пути в психоанализе: [пер. с англ. А. Боковиков]. — М. [и др.]: Питер, 2016. — 301 с. — ISBN 978-5-496-01028-3.
- Шопенгауэр А.* Метафизика половой любви // Шопенгауэр А. Избранные произведения. — М.: Просвещение, 1992. С. 371–412. — ISBN: 5-09-004165-2.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В., Партолина С. С. Две иллюзии любви // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 2 (78). — С. 36–48. DOI 10.18522/2227-8656.2026.2.3 EDN GBIGAQ

References

- Maslow A.* Motivation and personality. 3rd ed. Translated from English. SPb: Peter = St. Petersburg: Peter, 2013; 352 p. ISBN 978-5-459-00494-7. (In Russ.)
- Ortega-i-Gasset H.* Sketches about love. In: Aesthetics. Philosophy of culture. Translated by E. V. Bagno. M.: *Iskusstvo Publ. = Moscow: Art*, 1991; 588 p. ISBN: 5-210-02441-1. (In Russ.)
- Salecl R.* Perversions of Love and Hate. Translated by V. Mazin. M.: *Khudozhestvenny zhurnal = Moscow: Art magazine*, 1999; 205 p. ISBN 5-901116-03-8. (In Russ.)
- Sartre J.-P.* Being and nothing: the experience of phenomenological ontology. Translated from French, preface, note by V. I. Kolyadko. M.: *Respublika = Moscow: Republic*, 2000; 639 p. ISBN 5-250-02729-6. (In Russ.)
- Freud Z.* Psychoanalysis. Religion. Culture. Translated by A. M. Rutkevich. M.: *Renessans = Moscow: Renaissance*, 1992; 289 p. ISBN 5-8396-0095-4. (In Russ.)
- Fromm E.* The art of loving. SPb.: *Azбука-klassika = St. Petersburg: ABC Classics*, 2004; 219 p. ISBN 5-352-00758-8. (In Russ.)
- Horney K.* Neurotic personality of our time: new ways in psychoanalysis. Translated by A. Bokovikov. M. [i dr.]: *Piter = Moscow [and others]: St. Petersburg*, 2016; 301 p. ISBN 978-5-496-01028-3. (In Russ.)
- Schopenhauer A.* Metaphysics of sexual love. Selected works. M.: *Prosveshchenie = Moscow: Enlightenment*. 1992: 371–412. ISBN: 5-09-004165-2. (In Russ.)

История статьи:

Поступила в редакцию — 02.02.2026
Одобрена после
рецензирования — 24.03.2026
Принята к публикации — 27.03.2026

Сведения об авторах

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории зарубежной
и отечественной философии,
Институт философии и социально-
политических наук,
SPIN-код: 5235-1588,
AuthorID: 217149
elena_zolotuhina@mail.ru

Партолина Светлана Сергеевна

Магистрант Института философии
и социально-политических наук Южного
федерального университета,
SPIN-код: 7657-3122,
AuthorID: 1332777
svetic.belle@gmail.com

Information about authors

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor, Department of History
of Foreign and Domestic Philosophy,
Institute of Philosophy and Socio-Political
Sciences, Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57224939622
elena_zolotuhina@mail.ru

Svetlana S. Partolina

Master's Student, Institute of Philosophy and
Socio-Political Sciences,
Southern Federal University,
svetic.belle@gmail.com

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*